

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное художественное произведение — позвольте мне так самонадеянно его называть — является плодом фантазии автора, вплетенным в реальную историческую канву, этакой импровизацией на заданную тему. Окончательной и единой версии описанных событий не существует, история эта темная и полная всяких подозрительных совпадений и не очень убедительных объяснений, что и дает возможность высказывать любые мысли и изобретать сюжеты, хотя бы и самые невероятные. Пусть читатель отнесется к этому роману как к легкой прогулке по тропинкам реальной истории. Тем более что персонажи сего повествования вымышлены лишь отчасти и реально существовавшие некогда Владимир Гаврилович Филиппов или Дмитрий Григорьевич Богров вступают в отношения с Александром Павловичем Свиридовым или Евгением Никитичем Поме-

ранцевым, кои являются совершенной выдумкой автора (но, несомненно, могли и жить на самом деле). Да и кто готов с полной уверенностью ныне утверждать, какими они были в действительности, все эти спиридовичи, кулябки и прочие фон коттены?

Так что не судите уж слишком пристрастно, не ищите отгадок и откровений, простите за вольности в обращении с фактами и примите описанное и вымышленное как то, что могло быть. А может, так оно все и было?

ИНТРО

ВЕНА. Отмечается целый ряд признаков перемены погоды, в том числе некоторое, хотя и незначительное, понижение температуры, понижение барометрического давления и др. Но ввиду сильных воздушных течений с Азорских островов нельзя рассчитывать все-таки на сильное уменьшение жары.

По всей Европе установилась жаркая погода, за исключением Норвегии, где, как сообщают, идут дожди.

Из Парижа сообщают, что за последние 154 года ни разу не было такой жары в середине августа, как теперь, — 37,07 в тени; такая температура является как бы рекордом жары за полтора столетия. Центральное метеорологическое бюро сообщает о понижении барометрического давления, и можно ожидать бурю с дождем.

Газета «Московская жизнь»,
август 1911 года

* * *

Жара в августе стояла просто невыносимая, невероятно дикая для Петербурга. Казалось, что даже воздух стал каким-то вязким, липким и тягучим. В нем застревали редкие прохожие, жавшиеся к домам в поисках тени, и даже полуденный выстрел крепостной пушки с трудом перелетал Неву. Прошедший ночью сильный ливень не остудил раскаленную столуцу, а лишь превратил канавы и ямы в маслянистые лужи.

Улицы были почти пусты, и тем большее удивление вызывал одинокий молодой человек, бредущий по солнечной стороне Невского в сторону Екатерининского сада. Во-первых, странной выглядела торопливость и даже какая-то взвинченность, выделявшая его среди немногочисленных вялых послеобеденных прогуливающихся. Во-вторых, явно бросался в лицо беспорядок в одежде и отсутствие какого бы то ни было головного убора, необходимого если уж не из соображений приличий, то хотя бы из-за сошедшего с ума солнца.

Необычный прохожий поравнялся с воротами сквера, невидящим взглядом уставился на памятник великой императрице и, будто пробудившись, почти бегом кинулся в сторону Аничкова моста. А дальше случилась уж вовсе дичайшая история: поравнявшись

с ползущим вверх по Невскому трамваем, молодой человек в совершенном молчании (что только усиливало ощущение жуткости и нереальности происходящего) бросился на рельсы, прямо под колеса вагона с ошеломленными пассажирами.

ГЛАВА 1

Кр. П. П. Евдокимову показалось, что его жена кокетничала в гостях с мужчинами. Возвращаясь домой, Евдокимов на Шлюзовой набережной вспомнил об этом и стал упрекать жену. Та стала плакать и отрицать. Евдокимов не поверил и в порыве ревности нанес ей несколько ран ножом. Собравшимся на крик он сказал: «Вяжите меня. Хотел убить жену потому, что очень ее люблю и не могу допустить, чтобы она смеялась с другими». Евдокимову со слабыми признаками жизни отправили в больницу.

Газета «Копейка»,
август 1911 года

* * *

— **А**лександр Павлович, голубчик, давайте
уж пешком прогуляемся перед обедом.
Хоть и жарит как в адовом котле, но какое-

никакое разнообразие. Заодно и в «Астории» посвободнее будет. — Начальник сыскной полиции Петербурга Владимир Гаврилович Филиппов умоляюще посмотрел на своего помощника.

Тот молча кивнул, и они не спеша двинулись в сторону собора, стараясь держаться в тени зданий.

А день у Владимира Гавриловича не задался с самого утра. Сначала супруга его, Вера Константиновна, женщина весьма воспитанная и нрава довольно кроткого, обругала прислугу за остывший кофе. Само по себе это было происшествие незаурядное, а уж то, что она и наедине от объяснений отказалась, вовсе выглядело чем-то невообразимым. В состоянии довольно сильного раздражения Владимир Гаврилович забыл о яме перед крыльцом и уверенно плюхнул в нее правой ногой, угодив прямоком в набравшуюся после ночного дождя лужу. В результате в ботинке противно хлюпало, но возвращаться домой, дабы переобуться, рискуя столкнуться с супругой, решительно не хотелось. Поэтому, проведя в дискомфорте всю дорогу от дома до Екатерининского канала¹, в здание Казанской части Филиппов прибыл в мрачном расположении духа, не ожидая от предстоящего дня ничего хорошего.

¹ Ныне канал Грибоедова.

Выслушав доклад дежурного (за ночь три грабежа и одно убийство не опознанной пока девицы, убийца задержан тут же, так как спал пьяным на месте преступления), Владимир Гаврилович загрустил еще больше. Вроде бы и повода не было: в городе все благополучно, есть чем гордиться, но очень уж скучала неспокойная деятельная натура полицейского начальника. После ареста полоумного Радкевича¹ никаких интересных уголовных событий в столице не приключалось, сплошь пьяные мастеровые да студенты-нигилисты хулиганили, а с той поры ведь уже почти два года минуло. Имелось, конечно, дело о возможном казнокрадстве генерал-майора Ухач-Огоровича², громкое, но скучное. Все было ясно почти с самого начала, а то, что двигалось оно медленно, так тому не способствовали ни давность событий, ни удаленность места преступления, ни, мягко говоря, противодействие неких особ. Так что хандрил Владимир Гаврилович отчаянно.

Вот и сейчас, ведя вежливую застольную беседу с помощником, он время от времени

¹ Николай Радкевич, он же «Вадим Кровяник», — один из первых зарегистрированных в России серийных убийц. Следствием руководил лично В. Г. Филиппов.

² Николай Александрович Ухач-Огорович, генерал-майор Российской армии, осужден в 1912 году за многочисленные хищения во время Русско-японской войны.

обращался к мыслям, с разговором совсем не связанным.

А разговор меж тем велся весьма интересный, ибо речь в нем шла, ни много ни мало, о судьбе и самом существовании империи.

— Ведь согласитесь, Владимир Гаврилович, тонет Россия. Пробили ей борт ниже ватерлинии в девятьсот пятом, и латаем мы пробоину сеном с навозом, простите за грубость.

Отец Александра Павловича Свиридова, помощника начальника столичного сыска, служил по морскому ведомству, и, хоть сын и выбрал иную стезю, нет-нет да проскальзывали в его речи флотские термины.

— Вот что мы сейчас делаем? Людей думающих, болеющих душой за Россию преследуем, а темное крестьянство насильно пытаемся осчастливить. Ведь надобно-то их сначала к свету вывести, а уж после... А мы на сохе в двадцатый век въехать хотим.

— Голубчик мой, вот что я вам скажу. Вы перво-наперво пообещайте мне ни с кем другим подобных разговоров даже не заводить, люди сейчас — сами знаете. А во-вторых, позвольте с вами не согласиться. У нас девять десятых населения — те самые темные крестьяне, так с кого же начинать, как не с них? И их для начала накормить следует, а уж потом образовывать. А вы, вашими же словами изъ-

ясняясь, соху впереди кобылы запрягаете. Ведь ежели вы сейчас этого бородача пострижете-побреете, в платье городское обрядите да наукам и этикету обучите, он же к сохе-то не вернется. Он заявится к вам в вашу прекрасную квартиру на Мойке и попросит вас вон во имя ваших *Liberte, Egalite, Fraternite*¹. А вы пожалуй что и воспротивитесь. Он за топор-вилы, вы за револьвер — и вот вам новый пожар. Нет уж, молодой человек, вы ему сначала дайте заработать на хлеб и кашу, да чтоб говядинка в щах, да так, чтоб вдоволь, а уж после, после букварь подсовывайте. Так что Петр Аркадьевич² все верно делает, еще бы не мешали ему говоруны думские да государь почаше прислушивался бы. Но — про государя это я так, по-дружески, и только между нами. И не спорьте, слушать не стану. Мы здесь, господин ротмистр!

Последняя реплика была обращена к гренадерского вида мужчине, застывшему на пороге ресторана и искательно обводящему залу глазами.

¹ Свобода, равенство, братство — девиз, берущий свое начало со времен Великой французской революции.

² Петр Аркадьевич Столыпин, в 1906–1911 годах председатель Совета министров (премьер-министр) России. Известен как реформатор и государственный деятель, сыгравший значительную роль в подавлении революционного движения 1905–1907 годов.

— Вот и кончился наш обед и моя скука, — пробурчал Филиппов, поспешно вытирая салфеткой губы. — Не иначе как что-то стряслось.

Ротмистр споро подошел к столику, вскинул руку к козырьку и тут же что-то зашептал начальнику на ухо. Послушав буквально секунд пятнадцать, тот жестом прервал докладчика, выложил на стол деньги за обед, поднялся и направился к выходу. Оба офицера проследовали за ним.

На улице Владимир Гаврилович обернулся к капитану:

— Господин Кунцевич, начните сначала, пусть Александр Павлович тоже будет в курсе. Только по порядку, не перескакивайте.

— Слушаюсь. Около часу назад прямо у Александринского театра трамваем был раздавлен человек. По показаниям очевидцев — самоубийство. Личность пока не установлена, молодой мужчина лет тридцати. При нем обнаружен браунинг и бумажник. В нем список странный: имена, фамилии и адреса. Среди поименованных значится Владимир Владимирович Филиппов. И адрес ваш, Владимир Гаврилович...

— Кто первый прибыл на место?

— Городовой Старостин, ваше высокородие.

Филиппов раздраженно поморщился на «высокородие».